

— Гу Цичи, ты вообще меня слушаешь?! Ты что, оглох?!

Свет, бьющий сверху, был ослепителен, а пятна света и тени от хрустальных подвесок падали на тело юноши. Переливающиеся узоры сливались с его фигурой, невольно придавая ему хрупкой, утончённой красоты.

Он был удивительно бел, словно первый снег под лунным светом зимней ночи, холодный и чистый.

Лишь на внешних уголках глаз расплывался лёгкий румянец, переходящий в нежный розовый. Миндалевидные глаза слегка приподнимались к вискам, оставляя за собой чистый блеск, словно мак, тихо распутившийся в тёмной ночи. К этой чистоте примешивалась некая порочная красота.

В высоком бокале шампанское взбивало белую пену, а богатый аромат вина медленно проникал в ноздри. Жар в теле поднимался, словно прилив.

Вокруг то и дело раздавались обрывки светских бесед, а любопытные взгляды желающих посмотреть на шоу частенько обращались в эту сторону.

Гу Цичи пришёл в себя, приоткрыл веки, и его янтарный взгляд холодно сверкнул. Губы скривились в насмешливой дуге, и он с полуулыбкой посмотрел на разъярённого мужчину средних лет перед собой.

Без сомнения, он попал в книгу, в тот самый даньмэй-роман, который когда-то давно случайно прочёл. Он стал настоящим сыном богатого рода, носившим то же имя. Увы, он не был главным героем, а лишь ненавидимым всеми мелким злодеем.

Злодей Гу Цичи при рождении был подменён слугой семьи Гу, подставившим своего сына. И если бы в шестнадцать лет фальшивый сын Гу Юйнин не попал в аварию и ему срочно не понадобилась кровь, эта скрывавшаяся шестнадцать лет ложь не была бы раскрыта, а настоящего Гу Цичи не вернули бы в дом Гу.

К сожалению, вернувшись в семью Гу с полными надежд, Гу Цичи получил сердце, изрешечённое ранами. Здесь его никто не любил, все обожали Гу Юйнина.

Родные родители презирали его за невежество и грубость; брат, которым он восхищался, считал его эгоистичным и тщеславным, думая, что он домогается вещей Гу Юйнина, и никогда не смотрел на него доброжелательно.

Его существование было словно заноза в этой дружной семье — его могли лишь отвергать и презирать, он никогда не получал любви, которой так жаждал.

Зависть, словно сорняки, мгновенно охватила степь, её было не остановить.

Оригинальный Гу Цичи, разумеется, почернел. Он бесчинствовал везде, где мог, противостоя Гу Юйнину на каждом шагу, надеясь подавить его. Увы, всё, что он делал, в глазах всех было лишь плохой шуткой.

Родители отдали все акции Гу Юйнину, брат выгнал его из дома, а дело, которое он с таким трудом поддерживал, было разрушено фанатами Гу Юйнина.

Он стал никем не нужным мусором.

В зимний день, под падающим снегом, Гу Цичи умер в море огня. Пламя сожгло его дотла, ничего не оставив после себя.

Что до того, почему он сказал, что читал её давно, Гу Цичи повернул голову и устремил взгляд на Гу Юйнина в центре бесед.

Насмешка в его глазах ничуть не скрывалась. Он бросил бокал шампанского в сторону.

Звон стекла о стол был негромким, но достаточным, чтобы привлечь внимание.

Гу Цичи потянул воротник тесной рубашки, свежий воздух наполнил лёгкие. Он отвёл взгляд и невзначай ответил отцу:

— Действительно, не слушал.

— Если больше не о чем говорить, отец, я ухожу.

Едва слова прозвучали, он развернулся и вышел, не оглядываясь, оставив Гу-отца на месте, кипящего от ярости.

Жар в теле поднимался вверх, глаза Гу Цичи покрывались влажным блеском, а на лбу выступил слой пота.

Он попал сюда уже давно, но всё это время был заперт в теле оригинального владельца, раз за разом наблюдая, как тот ступает на предначертанный книгой путь: чернеет, бесчинствует, а затем идёт к гибели.

Он был бессилен, мог лишь холодно взирать на этот абсурд.

Но уж слишком долго это длилось. Он был заперт в теле Гу Цичи и уже потерял счёт, сколько времени прошло.

Год?

Два?

А может, пять или десять?

Так он был заперт в этой оболочке, с трудом сохраняя своё шаткое сознание. Долгое тёмное время одиночества почти свело его с ума.

Он видел, как его собственная душа бьётся в этом гниющем теле, но ничего не мог поделать, даже в отчаянии представлял самоубийство, пытаясь покончить с этим абсурдом.

Но всё было напрасно. Он не мог контролировать это тело. После смерти в огне он неизменно возвращался в тот день, когда в шестнадцать лет вошёл в дом Гу, и в сознании наблюдал, как владелец этого тела идёт по прежнему пути, продолжая бесконечную пытку.

Думая об этом, Гу Цичи глубоко вдохнул, губы изогнулись, он опустил влажный взор и слабо прислонился к поручню поднимающегося лифта.

Пробыв в ловушке так долго, он уже не питал надежд. Думал, что застрянет в этом теле на всю жизнь, но вдруг этот застывший мир треснул, и он вернулся в тот день, когда Гу Юйнин подсыпал ему средство, впервые получив способность управлять телом.

Кончики пальцев сжались по его желанию, немного одеревенев, но могли полностью выполнять движения.

Губы Гу Цичи слегка изогнулись в улыбку.

Хотя момент был не совсем удачным, ему это нравилось.

Цифры на этажах в лифте прыгали одна за другой, и, когда наконец достигли верхнего, раздался звонкий звук.

Гу Цичи старался нащупать заранее забронированный номер, как вдруг перед глазами пала высокая тень.

Он оказался в горячих и твёрдых объятиях. Кажется, другой попал в то же затруднительное положение: жаркое дыхание трулось о его шею раз за разом.

— М-м...

Гу Цичи бессильно запрокинул голову, покрасневшие от жара глаза блеснули дугой, длинная шея вытянулась, вычерчивая резкий изгиб.

Поразительно красивый.

Ясно слышался звук катящегося кадыка, дыхание другого сбивалось, раз за разом ударяя в сердце.

Сзади щёлкнул замок, Гу Цичи, обхватив талию, прижали к двери.

Взгляды встретились.

Мужчина перед ним был благороден, узкие глаза обожжены вожделием до тёмно-красного, но в них сквозила острая агрессия, которую трудно скрыть.

Словно невидимая гигантская сеть, незаметно окутывая Гу Цичи, постепенно затягиваясь, чтобы в конце проглотить, расщепив кости.

Гу Цичи нахмурил брови, подавляя беспокойство в теле, и холодно произнёс:

— Давай поговорим...

Он не успел договорить.

Гу Цичи понятия не имел, как он выглядит сейчас в чужих глазах, но Бо Юй знал.

Брови и глаза юноши покрылись слоем страсти, на кончике изящного носа выступил слой мелкого пота, глаза затуманились пеленой, ресницы были намочены влагой и влажно блестели, губы были прекрасны и развратны, под светом отражая прозрачный водяной блеск, маня сорвать.

Рубашка на нём из-за только что произошедшего натяжения была расстегнута наполовину, кожа под ладонью была гладкой, белой до ослепления, но не мягкой, а покрытой тонким и плотным слоем мышц с плавными линиями.

Бо Юй невольно усилил силу рук.

Затем, не говоря ни слова, прижал ладонь к затылку Гу Цичи и поцеловал.

Он был силён, язык проник прямо вглубь, открывая зубы Гу Цичи, штурмуя город и крепость.

Гу Цичи тихо простонал, целуя его до удушья. В дыхании разливался холодный аромат мужской туалетной воды.

Руки на его талии также обладали сильным присутствием. Гу Цичи чувствовал: пальцы у него длинные, суставы чёткие, ладони соприкасаются с его кожей.

Это было горячо.

Горячо до того, что он хотел сбежать.

Гу Цичи сжал одежду Бо Юя, с недостаточной силой толкая, пытаясь оттолкнуть этого большого парня от себя.

Не зная, что такая сила для Бо Юя всё равно что чихание.

Видя, что оттолкнуть не получается, Гу Цичи решил плюнуть на всё.

Он внимательно подумал: раз уж оба попали в расчёт, взаимопомощь — не беда.

К тому же...

Гу Цичи в слезах приподнял веки, ощущение боли на губах было необычайно ясным, его взгляд дюйм за дюймом скользил по холодному и красивому лицу мужчины.

Признать, лицо у него действительно...

Очень хорошее...

Прямо в его вкусе...

Переспать с ним не будет потерей, может, это ещё и удовольствие.

Заметив, что мысли Гу Цичи улетели, мужчина недовольно куснул его.

Свет над головой был ослепительным, Гу Цичи полуприкрыл глаза, ресницы дрожали, шатаясь, вошёл в комнату из коридора.

Перед глазами завертелось, ноги были мягкими, он сел на мягкую большую кровать в комнате, тело провалилось в мелкую ямку.

Свет был тускло-жёлтым, мягко падая на лицо этого красавца.

<http://bllate.org/book/17675/1647548>